

М

уж Ирины Максимовны Ковалиной, Викентий Федотович, часто сводил серьезный разговор к шутке. Она прочитала, что это признак начинающегося алкоголизма, о чем постоянно напоминала мужу, чем вызывала только новые шутки. Викентий Федотович, как и все нормальные люди, выпить любил, но зависимости от алкоголя у него не было. Он считал себя остроумным. Поскольку людей без недостатков не встречается, и бывают недостатки похуже, жена эту его особенность легко терпела. Они с сыном и двумя дочерьми жили счастливо на престижном Комсомольском проспекте, на втором этаже большого красивого дома, в четырехкомнатной квартире с окнами в тихий зеленый двор. Окна выходили на восток, после десяти часов утра солнце уже не светило в квартиру, поэтому даже в знойное лето дома не было жарко. Ирина Максимовна окружила мужа и детей ежедневной заботой и вниманием. Все было путем. Но... двенадцать лет назад Викентий Федотович увлекся, да еще как, другой женщиной. Ох, уж эти другие женщины! Говорят, от добра добра не ищут, но его поманила лучшая жизнь. Новая пассия, Жанна была моложе Ирины, к тому же имела высокий интеллект. Пообещала Викентию Федотовичу: «Будешь писать, печататься». Кто не хочет печататься? Семья распалась. Дети остались без отца. Жизнь Ирины Максимовны была разрушена. Викентий Федотович работал главным технологом и после своей из-

меня бесперебойно посылала Ирине Максимовне денежки. Супруги так и не развелись. Жена не знала, что происходит в жизни мужа, не знала, как там у него дела с Жанной. Настал момент, когда сын уехал насовсем в Мексику. Это у нас сейчас, пожалуйста, хоть в Австралию. В городе Нуэво-Касас-Грандесон женился на девушке по имени Флоринда, которая родила ему дочку Тасю. Старшая дочь Ирины Максимовны тоже уехала от матери, но не в Мексику, а в Чертаново, и жила там с мужем и сыночком. А младшая дочь, двадцатидвухлетняя Зина Ковалина, жила теперь в полупустой квартире с мамой, уже не раз сменила место службы, зарабатывала не очень, была театралкой и мечтала о выгодном замужестве по любви. Ее мать не достигла служебных высот. Когда-то Ирину Максимовну попробовали на должности заведующей отделом, начальник учреждения ее вызвал и долго перечислял, что должен сделать отдел. Выполнить все это в принципе не было проблемой, сложным было другое: запомнить обрушившуюся на нее кучу ценных указаний. Ирина Максимовна записывала, начальник говорил быстро, и она неосторожно сказала ему:

— Пожалуйста, помедленнее.

Затем шла счастливая в отдел, не догадываясь, что только что загубила свою карьеру. Ее задвинули обратно. Это ее обидело смертельно, но с годами любой человек умнеет, она со временем оценила преимущества спокойной жизни исполнителя по сравнению с ответственностью и нервотрепкой руководителя. Недавно начала получать пенсию и не уволилась, конечно; им с Зиной стало полегче. Обида на мужа также притупилась. Не то чтобы Ирина Максимовна простила, но слишком многое объединяло ее с мужем. К тому же сама была не без греха. А Викентию Федотовичу с любовницей лучше так и не стало. Жанна так отъелась, что пришлось купить ей новую шубу, просторнее, но Жанна все равно была недовольна, так как прежняя шуба выглядела богаче. Он ничего не написал и не напечатал. Его новая жизнь начала рассыпаться. В его прошлом было хорошее, которое он не забыл. Потянуло назад, в свой бывший дом, где он, кстати, по-прежнему был прописан. Появился там раз, другой. Был готов к упрекам, был готов объяснить, что он не святой, а обычный земной человек из костей, мяса, крови, грехов и не смог устоять, когда его настигла внезапная страсть. Но оказалось, что жена и дети это понимают и без его объяснений. Никто мужа и отца не упрекал. К нему отнеслись так, как будто этих лет и не было. Викентий Федотович почувствовал, что здесь нужен он, а не его зарплата. Стал на своей «Шкоде Рапид» ездить в Чертаново к старшей дочке, забирал внука из детского сада. Все это повлекло неудовольствие Жанны. Однажды он сказал, как бы между делом:

— Ир! А что если я вообще перееду к вам?

Ирина Максимовна была рада. Ну, а ее и Зины скромный бюджет обещал укрепиться, само собой. В пятницу Викентий Федотович привез свои вещи. Расставил на полочке фотографии. В субботу супруги купили новую кровать. Все вернулось на круги своя. Чтобы отметить воссоединение, семья заказала в кафе шесть посадочных мест. Предвкушали картину: за столом мама, папа, две дочери, один зять и внук. Но не получилось: Викентий Федотович в воскресенье поехал в Люберцы на семидесятилетие двоюродного брата. Там собрались его друзья. Ладно. Семья намеревалась перенести банкет. Но вскоре муж сообщил, что ему опять надо в Люберцы. Оказывается, они с братом начали писать философский трактат, и без Викентия Федотовича родственник не справится. Ирина Максимовна сказала мужу:

— Какой он философ? Он полиграфист.

— А я что, философ? Бородин вообще был химиком и сочинил оперу «Князь Игорь».

— О чем хоть трактат-то?

— О главном вопросе философии. Что первично: материя или сознание?

Ирина Максимовна поняла, что вопреки обыкновению, сейчас муж не шутит. Она располагала только дипломом финансово-экономического техникума, объяснившего ей еще в молодости, где надо искать подлинные мотивы внутренней и внешней политики. Но главные вопросы философии в техникуме были несколько запущены. Ирина Максимовна отнеслась к занятиям мужа очень уважительно. Трактат — так трактат. Прошло еще несколько дней, и Викентий Федотович в третий раз засобирался в Люберцы. Тут жена, наконец, заподозрила неладное. Она вспомнила о склонности мужа к вранью; ну не к вранью, к шуткам. А если в Люберцах совсем не трактат, а очередная зазноба? Кстати, название подмосковного города звучало в данной ситуации подозрительно. Неужели, рассорившись с бывлой разлучницей, муж вернулся в свою семью, чтобы обрести постоянную пристань и оттуда время от времени совершать набеги, вести, так сказать, прежний образ жизни вахтовым методом? Это на него похоже. Скорее всего, люберецкий брат решил помочь Викентию наладить, наконец, личную жизнь и кого-то ему приискал. Однако она решила не делать скоропалительно резких движений: «Может, ошибаюсь?» У нее в сердце жило доброе чувство к мужу, да и к его брату. Сказала себе: посмотрим, что будет дальше.

К этому моменту Викентий Федотович был главным технологом уже восемнадцать лет. Он давно вырос как руководитель, он начал спорить с директором по разным вопросам. Директора это раздражало, он стал отклонять инициативы Ковалина, поправлял по пустякам, придирался. Старшему по должности надо подчиняться. Викентий Федотович не был ни скандалистом, ни анархистом, он был немолодым законопослушным человеком. Однажды он высказывал очередную идею, вроде бы неплохую, но директор и слушать не захотел. Ковалин понял, что директор просто глуп, глуп безнадежно и бесконечно. Придя домой, Викентий Федотович сказал жене, что хочет уйти на пенсию. Я лишусь зарплаты, сказал он, но зато не буду больше видеть этого идиота, а за такое удовольствие не жалко заплатить. Ему не надо было, свалившись на голову жене, тут же садиться ей на шею: он не все сбережения ухнул на Жанну. Ирина Максимовна же была согласна на все, лишь бы ему было хорошо. На предприятии новость об уходе Ковалина стала событием. К Викентию Федотовичу привыкли. Директор, прежде чем подписать его заявление, отговаривал, но недолго. Ковалин сослался на необходимость серьезно заняться здоровьем. Директор сказал:

— Ну что ж, отдохни.

Сидевший тут же главный механик съязвил:

— Викентий Федотович! Как мы теперь будем без ваших советов?

Козел. Ковалин вышел из кабинета директора, секретарша спросила:

— С грустью уходите?

— Да, — пошутил он.

Капитальную отвальную устраивать не стал: зачем сидеть три часа и слушать искренние и неискренние хвалебные речи? Был фуршет в столовой с хорошим коньяком, Викентий Федотович не поскупился. Провожали тепло. Подарили огромный альбом «Клод Монэ». Начальница финотдела Алефтина Анатольевна — некрасивая, замужняя, мать взрослых детей — расплакалась и призналась:

— Ковалин, я тебя люблю.

— Алефтине хватит, — сказал директор.

Было похоже, что она говорила всерьез, и это тронуло Викентия Федотовича. Он в последний раз вошел в кабинет главного технолога, где висела одна большая застекленная фотография в рамке — молоденькой Марины Нееловой. Не стал снимать портрет со стены. Пусть новому обитателю здесь останется что-то для души. Дома у него и так были дамы сердца — жена и дочь. Получил в отделе кадров тру-

довую книжку, выписанную когда-то здесь же ему, семнадцатилетнему, и, волнуясь, пошел в двенадцатитысячный раз на выход. В проходной отдал полицейскому свой пропуск, перечеркнутый кадровиком крест-накрест. Было жарко, сержант стоял без фуражки, пуленепробиваемый жилет лежал на столе.

— Все? — спросил сержант участливо-сочувственно.

— Все, — подтвердил Ковалин.

— Всего доброго.

— И вам, — ответил Ковалин, постоял секунду, вздохнул и вышел на свободу.

Поначалу боялся, что заскучает и прибежит обратно; директор, надеялся он, не станет возражать. Но оказалось, что дома хорошо. Утром, когда Ирина и Зина уходили на службу, он шел гулять и с дьявольским злорадством смотрел на людей, спешащих к троллейбусу и метро: дескать, бегите, бегите, а я свободен. Проспект вел к храму Николы в Хамовниках, тысяча шестьсот... — дальше он забыл, какой год. Оттуда Викентий Федотович шел на Крымский мост и любовался Москвой-рекой. Видел, как у фонтана умываются бомжи. Подумал: не заняться ли бизнесом? Раз зашел в салон красоты, у него еще имелись остатки шевелюры. На весь салон звучало нечто громкое, с треском, на одной ноте, в тексте каждое второе слово было «люблю». Девушка-парикмахер сказала:

— Хорошая песня.

Дома Викентий Федотович включал телевизор. Однажды была интересная передача: о князе Потемкине — голубчике Гришеньке, о Екатерине. Смотрел художественные фильмы. Чтобы Ковалин не ушел на другой канал, чтобы он досмотрел до конца весь фильм, а главное — всю рекламу, на экране мелькали почти непрерывно, сменяя друг друга, драки, погони, стрельба и поцелуи: действительно, не переключишь. Так проходили дни. Однажды вечером никак не мог заснуть. Осторожно, чтоб не разбудить жену, встал, пошел на кухню. Включил тихонько радио. Ничего нового. Те, кто устроились там, где платят за нападки на оппозицию — кусали оппозицию. Те, кто устроились там, где платят за нападки на власть — кусали власть. У всех были семьи. Все было нормально. Он открыл холодильник, попил компоту. Жизнь клонила к закату. Пора было подводить итог. Все посылал Бог: и утраты, и удачи. Пусть пошлет еще лет десять, подумал Викентий Федотович, потом можно к нему на Суд. А пока — жить. Для чего?

Частьенько ездил в Люберцы. Но в свои шестьдесят в постели с женой не ленился, и Ирина Максимовна сделала вывод, что другой бабы у него на данном этапе нет. Жена поняла: намеренно или неосознанно муж устраивал себе разрядку, отдых, чтоб не осточертело дома. Менял обстановку. В Люберцах на верхнем этаже панельной хрущевки в папке на нижней полке лежал начатый и заброшенный трактат, человечество так и не дождалось ответа на главный вопрос философии. Но братьев это не мучило. Старики были рады друг другу. Может быть, самое ценное в жизни — это когда кто-то нам рад. Братья обедали, обсуждали поведение жен, детей и внуков, говорили об общих знакомых, о болезнях, о том, что алкоголь понижает сахар в крови (молодцы ученые, что это открыли), о несчастьях футбольной сборной и, конечно, о правительстве, которое опять все делало не так.

Викентий Федотович предложил жене тоже уйти отдыхать: все-таки пятьдесят пять. Ирина Максимовна привыкла к сослуживцам и к своим производственным обязанностям; и те, и другие не были ей в тягость. Но поскольку семье пока было на что жить, перешла на полставки. Начальство было не в восторге, но решено, что это лучше, чем совсем потерять опытного специалиста. Теперь она не уставала, и появилось больше времени для домашнего хозяйства. Зине опять не нравилась работа, она сказала маме:

— На службе затхлая атмосфера. Ты не представляешь, какое дубье меня там окружает. Пока молчат — похожи на людей, а как откроют рот — отпад. Это пытка.

Ирина Максимовна возразила:

— В тебе говорит юношеский максимализм. Умный человек всегда знает, с кем о чем говорить. Если ты разберешься в этом, то увидишь, что коллеги не глупее тебя. Мы с твоим отцом не носились с места на место. И еще: на работу ходят не обсуждать спектакль, а зарабатывать деньги. Ищи приятного общества в нерабочее время. Тебе вообще-то уже пора завести собеседника.

— Этот вопрос сейчас находится в стадии решения, — последовал неожиданно официальный ответ, озадачивший мать.

Флоринда ждала второго ребенка. Старшая дочь готовила мальчика в первый класс. У них в Чертанове рядом с домом была обычная, не выдающаяся школа, и они с мужем записали ребенка в гимназию, десять минут езды на их «Хэндай Солярисе». Им очень нравилось, что мальчик будет читать Цицерона в подлиннике — так обещал директор гимназии на собрании. Викентий Федотович не был против хорошего образования для внука, но почему именно латынь? Как она поможет парню выжить в эпоху раннего капитализма, когда надо усиленно работать локтями, иначе затопчут?

Время шло. Семья следила, что творится в сопредельной славянской стране, где жило много русских людей, таких же, как Ковалины, как десятки миллионов таких Ковалиных. В сопредельной стране русский язык не был государственным. Было еще много других причин, приведших в конце концов к гражданской войне. Славяне стреляли друг в друга. Погибали мужчины, женщины, дети, старики. Викентий Федотович страдал от происходящего, винил во всем власти сопредельной страны и тех, кто им помогал. Ирина Максимовна и Зина были в неменьшем ужасе, но, по их мнению, виновато была родное государство, поддерживающее зарубежных соплеменников, переставших подчиняться своему центральному правительству. И постепенно в семейных отношениях повеяло холодом. Наряду с линией фронта в соседней стране, пролегла другая линия фронта — в квартире на Комсомольском проспекте. По вечерам выслушивали страшные телевизионные новости и спорили. Потом дочь уходила спать, супруги принимали снотворное и ложились. Жена думала: Викентий умница, но как же он не понимает, что нельзя верить всему, что несут с экрана. А муж считал, что родное государство окружено недругами, от него и так мало что осталось; если дальше уступать, останется одна Московская область. Он совсем перестал шутить. Тянулась неделя за неделей, в душах воцарилась усталость.

Двоюродный брат был единомышленником Викентия Федотовича, но сказал:

— Что важнее всей политики на свете? Любовь, дом, семья, дети и их счастье. Пусть Ира и Зинка с тобой не согласны. Ты что, против плюрализма мнений? Оставай их в покое.

Викентий Федотович перестал дома спорить, замолчал. Жена и дочь тоже. Чашка была разбита, ее нельзя было склеить. Ковалин видел выход. Вернее, два выхода, и в каждом содержалось рациональное. Первый: начать пить и опуститься. Он вспомнил про внука и Цицерона. Сам он по латыни знал только *in vino veritas* (истина в вине) и был согласен с древними римлянами. Второй выход: позвонить директору завода, сказать, что отдохнул, подлечился и может работать; возвращаться с работы домой придется поздно — вот и замечательно, да и дополнительные бабки не помешают. Он мрачно улыбнулся третьему варианту: совмещать оба пути.

Но однажды за завтраком дочь объявила, что вечером придет домой не одна. И, ничего не добавив, ушла. Мать и отец молчали. Викентий Федотович подумал про слова брата о счастье детей. Ну, Зинка! Вспомнил, как играл с маленькой Зиной в шахматы. Она не объявила шах, а он не заметил, она схватила его короля, он засмеялся, отобрал короля, поставил на место, и дочка обиделась. Еще он вспомнил,

какой красавицей была Ира, каким наслаждением было смотреть на нее. Он почувствовал, что пора начинать перезагрузку. Взглянул в лицо супруги. Их глаза встретились. Она улыбнулась. Потом погромыхала посудой на кухне и тоже ушла. Было тихо. Только звучно капала вода в ванной, и хлопало во дворе на ветру белье. Он включил компьютер, чтобы прочитать новости. И обрадовался: воюющие славяне начали переговоры о перемирии. Зашел на карту Мексиканских Соединенных Штатов. Самый дешевый авиабилет стоит 18031 рубль. Штат Чиуауа, город Нуэво-Касас-Грандес, 50863 жителя, в том числе сын, сноха и внучка. Летнее утро, свежее и солнечное, растопило в сердце последние льдинки. Викентию Федотовичу захотелось обнять сына, поцеловать Тасю и Флоринду, напялить на лысину сомбреро и танцевать с женой кукарачу. Он вышел на проспект и направился к храму. Шел и опять не мог вспомнить, когда его построили: тысяча шестьсот... — а дальше какой год?